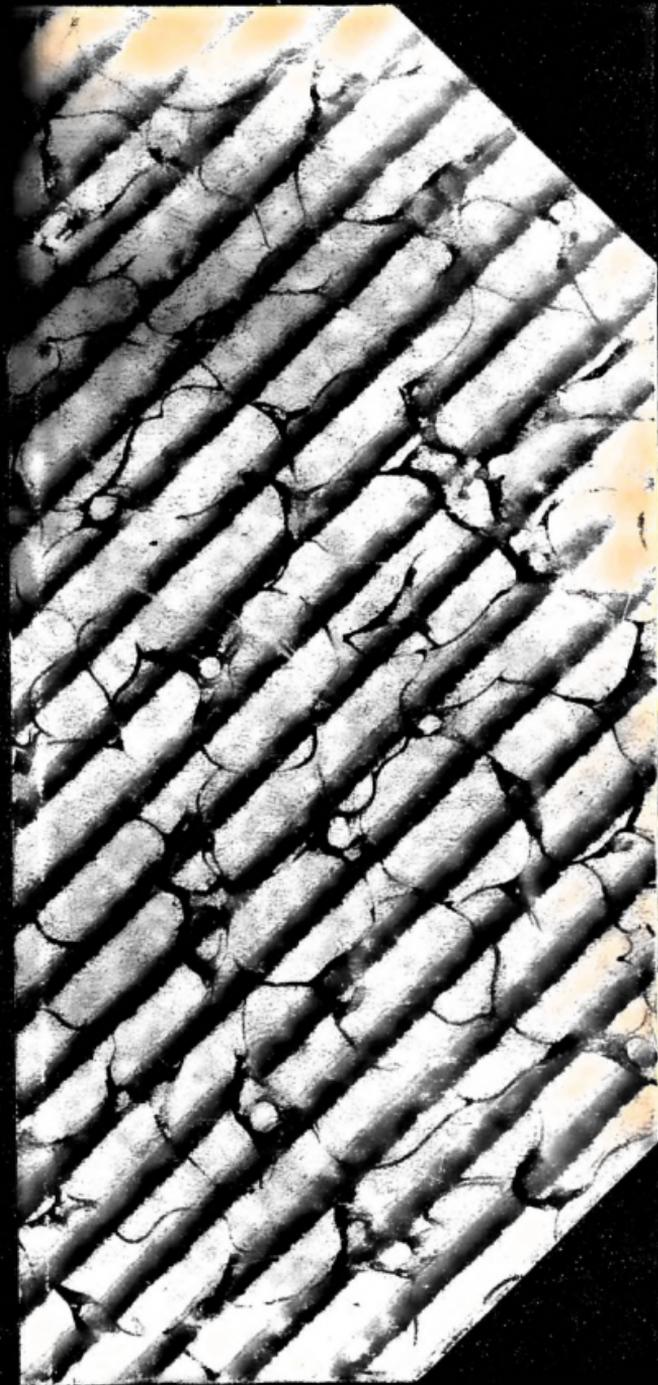

Троцкий

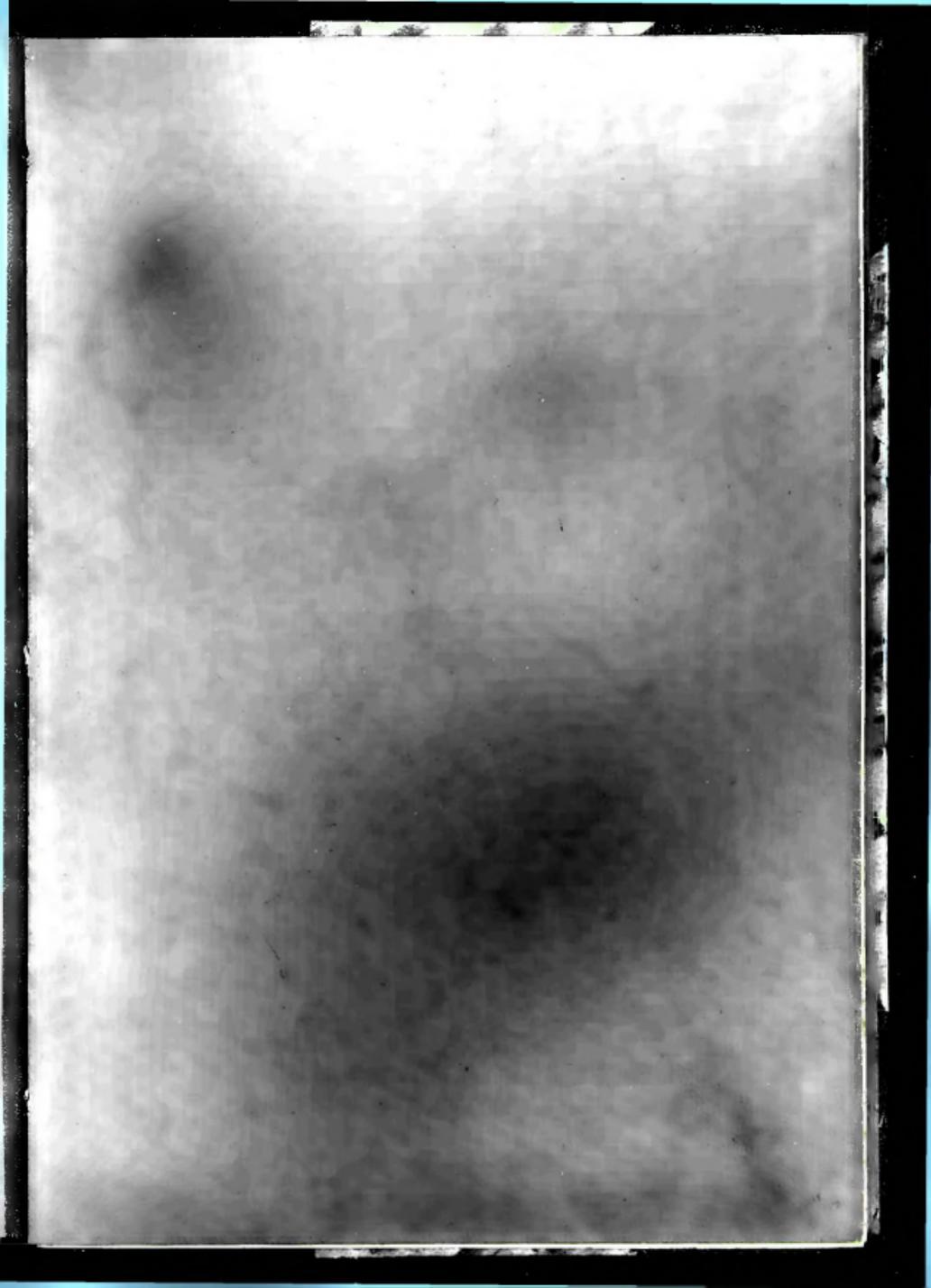
Л. Д. ТРОЦКИЙ

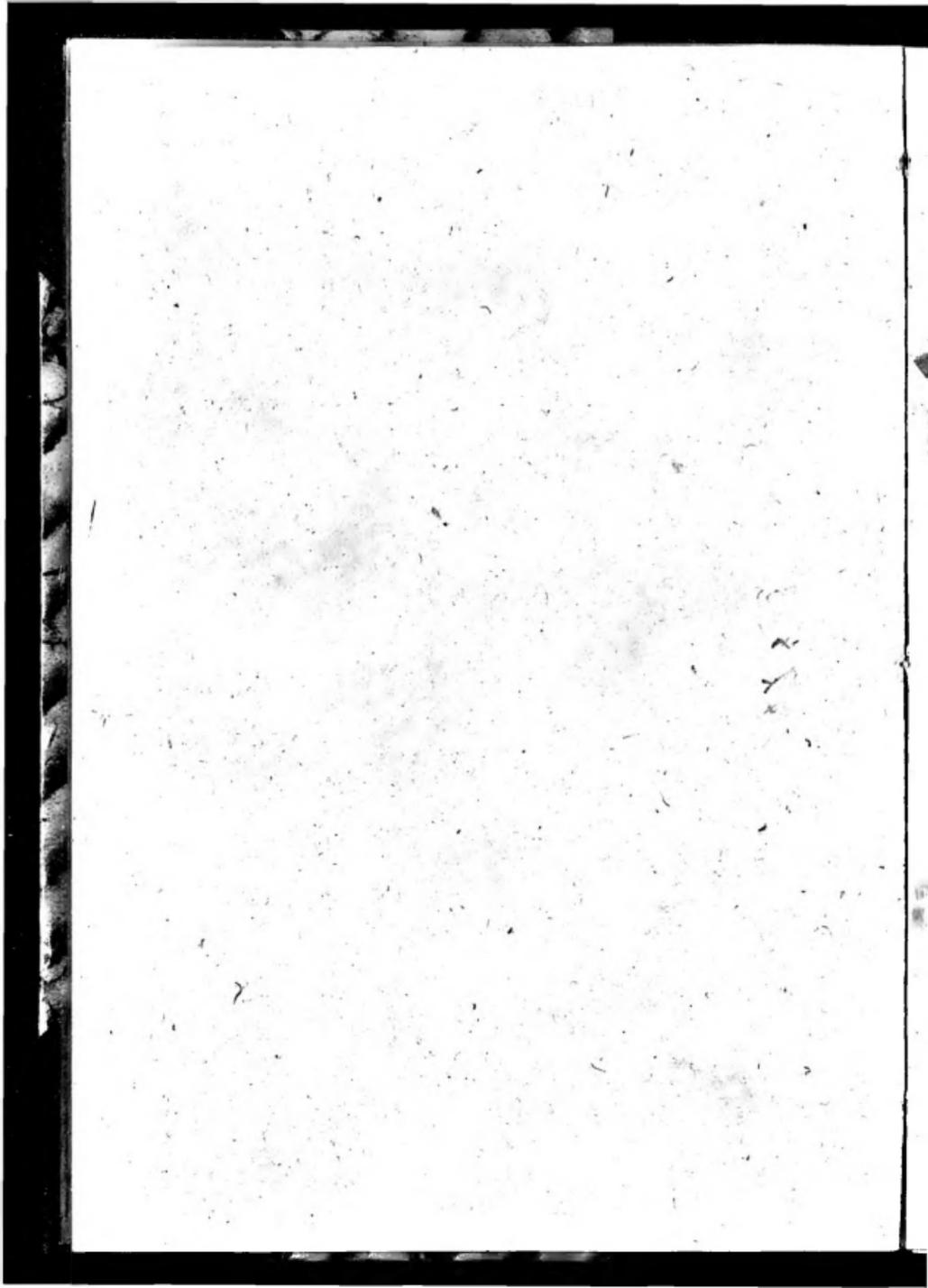
06

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ

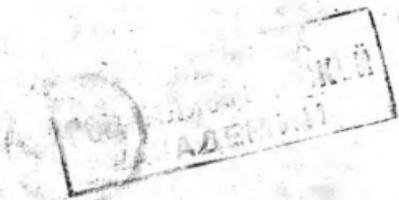

Троцкий

ЕГ334

Т891

Handwritten marks and scribbles

49874

Faint, mostly illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

ЕК 171
Н 391

1068615 (852/33)

ср
12/15

37/3
38
%

Троцкий, Л. Д.

Немецкая книжка об интеллигенции.

«Der Socialismus und die Intellektuellen». Von Dr Max Adler. Wien. 1910. Wiener Volksbuchhandlung Ignatz Brand et Co. S. 79.

Лить десять, даже шесть—семь лить тому назад сторонники русской субъективной социологической школы могли бы съ успѣхомъ использовать для своего дѣла послѣднюю брошюру австрійскаго философа Макса Адлера. Но за послѣднія пять—шесть лить мы продѣлали такую солидную объективную „социологическую школу“, уроки ея записаны такими выразительными рубцами на нашѣхъ глѣдѣ, что самый краснорѣчивый апологез интеллигенци, даже вышедшій изъ-подъ талантливаго марксистскаго пера М. Адлера, не поможетъ русскому субъективизму. Наоборотъ: судьба самихъ русскихъ субъективастовъ есть серьезнѣйшій аргументъ противъ доводовъ и выводовъ Макса Адлера.

Тема брошюры: отношеніе между интеллигенціей и социализмомъ. Для Адлера это не только предметъ теоретическаго анализа, но и вопросъ совѣсти. Онъ хочетъ убѣдить. Въ свою брошюру, выросшую изъ рѣчи, произнесенной предъ лицомъ студенческой социалистической аудиторіи, Адлеръ вноситъ всю свѣжесть и горячность убѣжденія, которому пламя вѣчно волнующейся мысли не позволяетъ покрыться ржавчиной привычки. Благородный духъ прозелитизма пропитываетъ собою эту небольшую книжку, сообщая обаяніе и тѣмъ мыслямъ, которыя не могутъ претендовать на новизну. Привлечь интеллигенцію на сторону своихъ идеаловъ, завоевать

ее во что бы то ни стало—это *политическое хотѣніе* всецѣло господствовать у Адлера надъ социальнымъ анализомъ, оно придаетъ книжкѣ ея внутренней чуждость и оно же опредѣляетъ ея слабыя стороны.

Что такое интеллигенція? Адлеръ даетъ этому понятію, конечно, не моральное, а социальное опредѣленіе: это не орденъ, связанный единствомъ историческаго обѣта, а общественный слой, охватывающій все роды умственныхъ профессій. Какъ ни трудно бываетъ провести межевую черту между „физическимъ“ и „умственнымъ“ трудомъ, но общія социальныя очертанія интеллигенціи ясны безъ дальнѣйшихъ детальныя изысканій. Это цѣлый классъ—Адлеръ говоритъ: междуклассовая группа, но это въ сущности все равно—въ рамкахъ буржуазнаго общества. И вопросъ для Адлера стоитъ такъ: Кто или что имѣетъ больше правъ на душу этого класса? Какая идеологія для него внутренне обязательна, въ силу самаго характера его общественныхъ функций? Адлеръ отвѣчаетъ: коллективизмъ. Что европейская интеллигенція, поскольку она не прямо враждебна идеямъ коллективизма, въ лучшемъ случаѣ стоитъ въ сторонѣ отъ жизни и борьбы рабочихъ массъ, не холодная и не горячая, какъ ангелъ злодѣйской церкви,—на это Адлеръ не закрываетъ глазъ. Но этого не должно быть! говорить онъ,—для этого нѣтъ достаточныхъ объективныхъ основаній. Адлеръ рѣшительно выступаетъ противъ тѣхъ марксистовъ, которые отрицаютъ наличность общихъ условий, способныхъ вызвать массовый притокъ интеллигенціи къ социализму. „Имѣется,—говоритъ онъ въ предисловіи,—достаточно причинъ—только не изъ чисто-экономической, а изъ иной области,—которыя на всю массу интеллигенціи, значить даже независимо отъ ея пролетарскаго жизненнаго положенія, могутъ воздействовать, какъ достаточные мотивы для присоединенія къ социалистическому рабочему движению,—нужно только, чтобы интеллигенція была посвящена въ сущность этого движенія и своего собственнаго социальнаго положенія“.. Каковы же эти причины? „Такъ какъ неприкосновенность и, сверхъ того, возможность свободнаго развитія духовныхъ интересовъ,—говоритъ Адлеръ,—принадлежать къ жизненнымъ условиямъ интеллигенціи, то именно поэтому теоретическій интересъ выступаетъ здѣсь полноправно рядомъ съ экономическимъ. Если такимъ образомъ основаній для присоединенія интеллигенціи къ социализму приходится искать преимущественно внѣ экономической сферы, то это объясняется въ такой же мѣрѣ специфическимъ—идеологическимъ условиями существованія умственнаго труда, какъ и культурнымъ содержаніемъ социализма“ (стр. 7). Независимо отъ классоваго характера всего движенія (вѣдь, это только путь!), независимо отъ своей сегоднешней партійно-политической физиономіи (вѣдь, это только средогов!), социализмъ по самому существу своему, какъ универсальный общественный идеалъ, означаетъ освобожденіе всѣхъ видовъ умственнаго труда отъ всякихъ общественно-историческихъ путей и ограниченій. Это обѣтованіе и есть тотъ идеологическій мостъ, по которому европейская интеллигенція можетъ и должна перейти въ лагерь социаль-демократіи.

Такова основная точка зрѣнія Адлера, развитію которой посвящена дѣлкомъ его интересная брошюра. Боревой порокъ ея, сразу бросающійся въ глаза, это—*неисторичность*. Въ самомъ дѣлѣ. Тѣ общія основанія для перехода интеллигенціи въ лагерь коллективизма, на которыя опирается Адлеръ, дѣйствуютъ упорно и давно. Между тѣмъ о массовомъ притокѣ интеллигенціи къ социаль-демократіи нѣтъ и помину—ни въ одной изъ европейскихъ странъ. Адлеръ видитъ это, конечно, такъ же хорошо, какъ и мы. Но причину полной отчужденности интеллигенціи отъ

рабочаго движенія онъ предлагаетъ видѣть въ томъ, что интеллигенція не понимаетъ социализма. Въ известномъ смыслѣ такъ оно и есть. Но чѣмъ въ такомъ случаѣ объясняется это упорное непониманіе—наряду съ пониманіемъ многихъ другихъ въ высшей степени сложныхъ вещей? Ясно: не слабостью ея теоретической логики, а силою ирраціональных моментовъ ея классовой психологіи. Адлеръ самъ говоритъ объ этомъ, и глава „Bürgerliche Schranken des Verständnisses“ является одной изъ лучшихъ въ Бромюрѣ. Но онъ считаетъ, онъ надѣется, онъ увѣренъ—и здѣсь проповѣдникъ беретъ верхъ надъ теоретикомъ,—что европейская социаль-демократія преодолѣетъ ирраціональные элементы психологіи умственныхъ работниковъ, если она сама перестроитъ логику своихъ обращеній къ нимъ. Интеллигенція не понимаетъ социализма по той причинѣ, что онъ изо дня въ день предъявляетъ ей свое будничное обличье политической партіи—одной изъ многихъ, равной среди прочихъ. Но если показать ей подлинный ядъ социализма, какъ мірового культурнаго движенія, она не сможетъ не узнать въ немъ свои лучшія надежды и чаянія. Такъ полагаетъ Адлеръ.

Мы оставимъ до поры-до времени безъ рассмотрѣнія вопросъ, дѣйствительно ли для интеллигенціи, какъ класса, чистыя потребности культуры (развитіе техники, науки, искусства) сильнѣе, чѣмъ классовыя влеченія семьи, школы, церкви, государства, наконецъ, чѣмъ голоса хлѣбныхъ интересовъ. Но если даже условно принять это, если согласиться видѣть въ интеллигенціи, прежде всего, корпорацію жрецовъ культуры, которые пока еще только не сумѣли понять, что социалистическій разрывъ съ буржуазнымъ обществомъ и есть высшій путь служенія культурнымъ интересамъ,—и тогда остается во всей своей силѣ вопросъ: можетъ ли впадно-европейская социаль-демократія, какъ партія, предожить интеллигенціи въ теоретическомъ и моральномъ отношеніи что-нибудь болѣе сильное, болѣе доказательное или болѣе привлекательное, чѣмъ все то, что она давала до сихъ поръ?

Уже нѣсколько десятилѣтій, какъ коллективизмъ заполняетъ весь міръ шумомъ своей борьбы. Миліоны рабочихъ объединялись за это время въ политическія, профессиональныя, кооперативныя, образовательныя и нныя организаціи. Цѣлый классъ подвизался со дня жизни и вѣдался въ святыхъ политикѣ, которая считалась доголѣ майоратнымъ владѣніемъ амущихъ классовъ. Соціалистическая пресса, теоретическая, политическая, профессиональная, изо дня въ день переоцѣниваетъ буржуазныя цѣнности, большія и малыя, подъ угломъ зрѣнія новаго міра. Нѣтъ ни одного вопроса общественно-культурной жизни (бракъ, семья, воспитаніе, школа, церковь, армія, патриотизмъ, общественная гигиена, проституція), по которому социализмъ не противопоставилъ бы своего взгляда взгляду буржуазнаго общества. Онъ говоритъ на всѣхъ языкахъ цивилизованнаго человечества. Въ его рядахъ работаютъ и борются люди различнаго умственнаго склада, разныхъ темпераментовъ, разнаго прошлаго, равныхъ общественныхъ связей и жизненныхъ навыковъ. И если интеллигенція все-таки „не понимаетъ“ социализма, если всего этого вмѣстѣ недостаточно, чтобы дать ей возможность, вѣрнѣе, чтобы заставить ее достигнуть культурно-исторической смыслъ мірового движенія, не приходится ли въ такомъ случаѣ придти къ выводу, что причины этого фатальнаго несопиманія должны быть очень глубоки и что безнадежны по самому существу своему попытки преодолѣть ихъ литературно-теоретическими средствами.

Эта мысль выстаетъ еще ярче въ свѣтѣ исторической справки. Самый широкій притокъ интеллигентовъ къ социализму—и это относится

ко въсьмъ европейскимъ странамъ—происходить въ первый періодъ существованія партій, когда она находилась еще въ стадіи дѣтства. Эта первая волна принесла съ собою самыхъ выдающихся теоретиковъ и политиковъ интернаціонала. Чѣмъ болѣе европейская социаль-демократія росла, чѣмъ большія рабочія массы объединяла вокругъ себя, тѣмъ слабѣе—не только относительно, но и абсолютно—становился принципъ свѣжихъ элементовъ изъ интеллигенціи. „Leipziger Volkszeitung“ въ теченіе долгаго времени безуспѣшно разсказывала черезъ газетныя объявленія редактора-академика. Тутъ какъ бы самъ собою напрашивается выводъ, дѣлкомъ направленный противъ Адлера: чѣмъ опредѣленнѣе социализмъ выявляетъ свое содержаніе, чѣмъ доступнѣе становится для всѣхъ и каждаго пониманіе его исторической миссіи, тѣмъ рѣшительнѣе интеллигенція отступала отъ него. Если это еще и не значитъ, что ее пугалъ социализмъ самъ по себѣ, то во всякомъ случаѣ ясно, что въ капиталистическихъ странахъ Европы должны были совершаться какія-то глубокія социальныя измѣненія, которыя въ такой же мѣрѣ затрудняли брѣтаніе академиковъ съ рабочими, въ какой облегчали сочетаніе рабочихъ съ социализмомъ.

Какого же рода эти измѣненія?

Изъ среды пролетаріата къ социаль-демократіи примыкали и примыкаютъ наиболѣе интеллигентныя одиночки, группы и слои; ростъ и концентрація индустріи и транспорта только ускоряютъ этотъ процессъ. Съ интеллигенціей происходитъ процессъ совершенно другого порядка. Могущественное капиталистическое развитіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій безаппеляціонно снимаетъ для себя сливки этого класса. Наиболѣе даровитыя интеллигентныя силы—съ инициативой, энергіей и пологомъ мысли—безвозвратно поглощаются капиталистической индустріей,—трестами, желѣзнодорожными предприятиями, банками, которые оплачиваютъ организаторскій трудъ чудовищными суммами. Даже на потребу государства остаются лишь второстепенныя экземпляры, и правительственныя канцеляріи не менѣе, чѣмъ газетныя редакціи всѣхъ направленій, платятся на недостатокъ „людей“. Что же касается представителей все растущей полупролетарской интеллигенціи, неспособныхъ выбиться изъ вѣчно зависимаго и матеріально неустойчиваго существованія, то надъ ними, выполняющими частичныя, второстепенныя и малоприлекательныя функціи въ большомъ механизмѣ культуры, чистокультурные интересы, къ которымъ апеллируетъ Адлеръ, не могутъ быть такъ властны, чтобы самостоятельно направлять ихъ политическія симпатіи въ сторону социализма. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что у такого европейскаго интеллигента, для котораго психологически переходъ въ лагерь коллективизма не исключенъ, нѣтъ почти никакой надежды завоевать для себя лично вліяніе въ рядахъ пролетарской партіи. А этотъ вопросъ имѣетъ здѣсь рѣшающее значеніе. Рабочій входитъ въ социализмъ, какъ частица цѣлаго, вмѣстѣ со своимъ классомъ, изъ котораго у него нѣтъ надежды уйти. И онъ уже удовлетворенъ чувствомъ своей нравственной связи съ массой, которое дѣлаетъ его увѣреннѣе и сильнѣе. Интеллигентъ же входитъ въ социализмъ, отриваясь отъ своей классовой пуповины—какъ индивидъ, какъ личность—и неизбѣжно ищетъ личнаго вліянія. Но здѣсь-то онъ и наталкивается на затрудненія,—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше эти затрудненія растутъ. Въ началѣ развитія социаль-демократіи каждая интеллигентная сила, даже и не превышающая уровня посредственности, завоевывала извѣстное положеніе въ рабочемъ движеніи. Въ настоящее время каждый новичокъ находитъ въ странахъ зап. Европы готовый колоссальный зданіе рабочей демократіи. Тысячи рабочихъ вождей, автоматически выдѣлявшихся изъ своего класса, образуютъ

сложивший аппарат, во главе которого стоят заслуженные ветераны, призванные авторитеты, фигуры, уже ставшие историческими. Только человек исключительных дарований мог бы при этих условиях надбавиться завоевать для себя руководящее место,—но такой человек, вместо того, чтобы прыгать через пропасть в чуждый ему стан, естественно пойдёт по линии наименьшего сопротивления в царство индустрии или на службу к государству. Таким образом между интеллигенцией и социализмом, в качестве водораздела, оказывается в настоящее время, помимо всего прочего, еще и организационный аппарат социаль-демократии. Он вызывает против себя недовольство социалистически-окрашенной интеллигенции, от которой он требует дисциплины и самоограничения,—то своим „оппортунизмом“, то, наоборот, чрезмерным „радикализмом“—и обрекает ее на роль брызгающего зрителя, который в своих симпатиях колеблется между анархизмом и националь-либерализмом. „Самплицесимум“—са высшее идейное знамя. Съ разными модификациями и въ разных степенях это явление повторяется во всей европейской стране. Сверхъ всего остального эта публика слишкомъ базирована, можно было бы сказать, слишкомъ ничица, чтобы самое патетическое выяснение культурной сущности социализма способно было покорить ее душу. Только редкие „идеологи“—беря это слово какъ въ его хоршемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ—способны прайти къ социалистическимъ убѣждениямъ, гонимые чистой теоретической мыслью,—исходя изъ требований права, какъ Антонъ Менгеръ, или потребностей техники, какъ Атлантусъ. Но и они, какъ мы знаемъ, не доходятъ обыкновенно до социаль-демократіи, и классовая борьба пролетаріата въ ея внутренней связи съ социализмомъ остается для нихъ кенгой за семью печатами.

* * *

Что интеллигенцію нельзя привлечь къ коллективизму программой непосредственныхъ материальныхъ завоеваний, въ этомъ Адлеръ совершенно правъ. Но это еще не означаетъ ни того, что интеллигенцію въ цѣломъ вообще можно чѣмъ-нибудь привлечь, ни того, что непосредственные материальные интересы и классовыя связи интеллигенции не могутъ оказаться для нея убѣдительнѣе, чѣмъ всѣ культурно-историческія перспективы социализма.

Если выключить тотъ слой интеллигенции, который непосредственно обслуживаетъ рабочія массы, въ качествѣ рабочихъ врачей, адвокатовъ и пр., причѣмъ, по общему правилу, здѣсь оказываются наименѣе одаренные представители этихъ профессій, то окажется, что самая значительная и вліятельная часть интеллигенции живетъ за счетъ промышленной прибыли, земельной ренты или государственнаго бюджета и находится въ прямой или косвенной зависимости отъ капиталистическихъ классовъ или капиталистическаго государства. Отвлеченно говоря, эта материальная зависимость исключаетъ только боевую политическую дѣятельность во вражескихъ рядахъ, не исключая еще этимъ духовной свободы отъ класса-работодателя. Но на дѣлѣ это не такъ. Именно „духовный“ характеръ работы интеллигенции устанавливаетъ неизбежно духовную же связь между нею и имущими классами. Директора заводовъ и фабрикъ, инженеры, несущіе административныя обязанности, состоятъ по необходимости въ постоянномъ antagonизмѣ съ рабочими, противъ которыхъ они вынуждены отстаивать интересы капитала. Что эти функціи въ концѣ-концовъ приспособляютъ къ себѣ ихъ понятія и воззрѣнія, ясно само собой. Врачъ и адвокатъ, несмотря на болѣе независимый характеръ ихъ работы, нуждаются неизмѣнно въ психологическомъ контактѣ со своей клиентелой.

Если мистръ можетъ изо дня въ день улаживать электрическіе провода въ квартирахъ министровъ, банкировъ и ихъ кокотокъ, оставаясь при этомъ самимъ собою, то другое дѣло врачъ, который долженъ и въ своей душѣ, и въ своемъ голосѣ находить ноты, согласующіяся съ симпатіями и привычками министровъ, банкировъ и ихъ кокотокъ. И этотъ контактъ неизбежно устанавливается не только на верхахъ буржуазнаго общества. Лондонскія суфражистки для своей защиты приглашаютъ адвоката-суфражиста. Тотъ врачъ, который пользуется маюрскихъ супругъ въ Берлинѣ или христіанско-соціальныхъ лавочницъ въ Вѣнѣ, тотъ адвокатъ, который ведетъ дѣла ихъ отцовъ, братьевъ и мужей, врядъ ли могутъ позволить себѣ роскошь увлеченія культурными перспективами коллективизма. Все это распространяется и на писателей, художниковъ, скульпторовъ, артистовъ—не такъ прямо и непосредственно, но не менѣе неотразимо. Они предъявляютъ публикѣ свое произведеніе или свою личность, они зависятъ отъ ея одобренія и ея кошеля и—явно или замаскировано—они подчиняютъ свое творчество „великому чудовищу“, которое они такъ презираютъ: буржуазной толпѣ. Судьба нѣмецкихъ „молодыхъ“—иныхъ уже, впрочемъ, совершенно плѣшивыхъ—какъ нельзя лучше доказываетъ это. Примеръ Горькаго, объясненный условиями эпохи, воспитавшей его, въ своей исключительности только подтверждаетъ правило: неспособность Горькаго приспособиться къ анти-революціонному перерожденію интеллигенціи въ кратчайшій срокъ лишила его „популярности“...

Здѣсь снова вскрывается глубокое социальное различіе въ условіяхъ умственного и физическаго труда. Закабалая мышцы, извуряя тѣло, фабричный трудъ безжалостенъ, однако, подчинитъ себѣ мысль рабочаго. Въ мѣры контроля надъ ней—въ Швейцаріи, какъ и въ Россіи—оказывались одинаково безрезультатными. Умственный работникъ физически неизмѣримо свободнѣе. Писатель не вынужденъ вставать по гудку, за спиной врача не стоитъ надсмотрщикъ, карманы адвоката не подвергаются обыску при выходѣ изъ суда. Но зато они вынуждены продавать не голую рабочую силу, не напряженіе своихъ мышцъ, а всю свою человѣческую личность,—не за страхъ, а за совѣсть. И въ результатѣ они сами не хотятъ и не могутъ видѣть, что ихъ профессиональный фракъ не что иное, какъ арестантскій халатъ божье тонкаго покроя.

* * *

Въ концѣ концовъ Адлеръ какъ бы самъ неудовлетворенъ данной имъ абстрактной и по существу идеалистической формулой взаимоотношеній между интеллигенціей и социализмомъ. Ибо со своей собственной пропагандой онъ обращается въ сущности не къ классу умственныхъ работниковъ, выполняющихъ опредѣленные функціи въ капиталистическомъ обществѣ, а къ его молодому поколѣнію, только подготовляющемуся къ своей будущей роли,—къ студенчеству. Объ этомъ свидѣтельствуетъ не только выѣхавшее на книжкѣ посвященіе „Свободному союзу социалистическихъ студентовъ въ Вѣнѣ“, но и самый характеръ этой брошюры—рѣчи, ея патетическій агитационно-проповѣдническій тонъ. Немыслимо даже представить себѣ произнесеніе такой рѣчи предъ аудиторіей профессоровъ, писателей, адвокатовъ, врачей... Она застряла бы въ горлѣ послѣ первыхъ же словъ. Такимъ образомъ, въ прямой зависимости отъ человѣческаго матеріала, съ которымъ приходится оперировать, Адлеръ самъ ограничиваетъ свою задачу,—политикъ вносить поправку въ формулу теоретика: дѣло идетъ въ концѣ концовъ о борьбѣ за вліяніе на *студенчество*.

Университетъ есть послѣдній этапъ государственно-организованнаго воспитанія сыновей ищущихъ и господствующихъ классовъ, какъ казарна—

последнее воспитательное учреждение для молодого поколения рабочих и крестьян. Казарма воспитывает психологические навыки подчинения и дисциплины—для подначальных общественных функций. Университет в принципе воспитывает для целей управления, руководства и господства. С этой точки зрения даже изменения студенческой корпорации являются целесообразным классовым институтом: он создает традиции, объединяющие отцов с сыновьями, укрупняют национальное самочувствие, прививают навыки, необходимые в буржуазной среде, и, наконец, снабжают шрамом на носу или под ухом, как штемпелем принадлежности к господской расе. Тот человеческий материал, который проходит через казарму, для партии Адлера, разумеется, неизменно важен, тем более, который проходит через университет. Но в известных исторических условиях—именно в условиях быстрого индустриального развития, пролетаризующего социальный состав армии, как это имело место в Германии,—партия может сказать себе: „В казарму я не вхожу; с меня достаточно того, что я провожу молодого рабочего до порога казармы, а главное, встречу его, когда он снова выйдет из ее ворот. Он от меня не уйдет, он будет мой.“—По отношению же к университету партия, если она вообще хочет вести самостоятельную борьбу за влияние на интеллигенцию, вынуждена сказать себе как-раз обратное: „Только здесь, только теперь, когда юноша до известной степени эмансипировался от своей семьи, и когда он еще не стал пассивным своего социального положения, я могу рассчитывать на привлечение его в свои ряды. Теперь или никогда!“

У рабочих между „отцами“ и „детьми“ различие чисто-возрастное. У интеллигенции не только возрастное, но и социальное. Студент, в отличие как от молодого рабочего, так и от своего отца, не выполняет никакой общественной функции, не чувствует над собой непосредственной зависимости от капитала или государства, не связан никакими обязательствами и—по крайней мере, объективно, если не субъективно—свободен в познании добра и зла. В этот период все в нем еще бродит, его классовые предрасудки так же неформальны, как и его идейные интересы, вопросы совести встают перед ним с особенной силой, его мысль впервые раскрывается большим научным обобщением, сверхобычное является для него почти физиологической потребностью,—если коллективизм вообще способен овладеть его сознанием, то как-раз теперь, и притом именно благородно-научным характером своего обоснования и всеобъемлюще-культурным содержанием своих целей, а не как прозаической вопрос „ножа и вишки“. В этом посаждем Адлеру совершенно прав.

Но и здесь мы опять-таки вынуждены остановиться перед голим фактом: не только европейская интеллигенция в целом, но и ее отпрыск, студенчество, не обнаруживает решительно никакой тяги к социализму. Между рабочей партией и студенческой массой—стына. Объяснять этот факт одними несовершенствами агитации, не упираясь на то, что интеллигенция с надлежащей стороны,—на это объяснение обязана Адлеру,—значит игнорировать всю историю взаимоотношений между студенчеством и „народом“, значить видеть в студенчестве интеллектуальную или моральную категорию, а не социально-исторический продукт. Правда, материальная зависимость от буржуазного общества сказывается на студенчестве лишь косвенно, через семью, и, значить, ослаблено. Но зато во всей своей силе, точно в резонаторе, отражаются в настроениях и воззрениях студенчества общие социальные

интересы и потребности тѣхъ классовъ, изъ которыхъ студенчество рекрутируется. Въ теченіе всей своей исторіи—въ ея лучшіе героическіе моменты, какъ и въ періоды полного моральнаго упадка, европейское студенчество было только чувствительнымъ барометромъ буржуазныхъ классовъ. Оно становилось ультра-революціонно, искренно и честно бралося съ народомъ, когда буржуазному обществу не оставалось другого выхода, кромѣ революціи. Оно фактически замѣшало буржуазную демократію, когда политическое ничтожество этой послѣдней не позволяло ей встать во главѣ революціи, какъ это было въ Вѣнѣ въ 1848 г. Но оно же стрѣляло въ рабочихъ въ іюлѣ того же 48 г. въ Парижѣ, когда буржуазія и пролетаріаты оказывали по разнымъ сторонамъ баррикады. Послѣ бисмарковскихъ войнъ, объединенія Германіи и успокоенія буржуазныхъ классовъ германскій студентъ поторопился сложиться въ ту зашвырнутой отъ пива и самоудовольства фигуру, которая, наряду съ прусскимъ лейтенантомъ, не сходитъ со страницъ сатирическихъ листовъ. Въ Австріи студентъ становился носителемъ національной исключительности и боевого шовинизма въ той самой мѣрѣ, въ какой обостралась борьба различныхъ націй этой страны за вліяніе на государственную власть. И несомнѣнно, что во всѣхъ этихъ своихъ историческихъ превращеніяхъ, даже самыхъ отталкивающихъ, студенчество проявляло и политическую чуткость, и способность жертвовать собой, и боевой идеализмъ,—качества, на которыхъ такъ сильно рассчитываетъ Адлеръ. Начать хотя бы съ того, что нормальный филистеръ 30-и или 40-а лѣтъ не дастъ кропать свою физиономію изъ за проблематическаго понятія „чести“,—его сынъ это дѣлаетъ со страстью. Русские и польскіе студенты недавно снова показали во львовскомъ университетѣ, что умирать не только доводить каждую національную, какъ и политическую тенденцію до конца, но и подставлять свои груди подъ дула браунинговъ. Въ прошломъ году нѣмецкіе студенты въ Прагѣ готовы были снести въ насидя толпы, демонструя на улицахъ свое право быть нѣмецкими корпорантами. Здѣсь боевой „идеализмъ“, подчасъ чисто-пѣтушиный, характеризуетъ не классъ, не идею, а возрастъ; зато политическое содержаніе этого идеализма пѣвчикою опредѣляется историческимъ гениемъ тѣхъ классовъ, изъ которыхъ студенчество выходитъ и въ которые возвращается. И это естественно, это неизбежно!

Въ концѣ концовъ, вѣдь, всѣ жившіе классы проводятъ своихъ сыновей чрезъ порталъ университета,—и если-бы студенчество здѣсь становилось простой *tabula rasa*, на которой социализмъ могъ бы писать свои письма,—что стало бы тогда съ классовой преемственностью и бѣднымъ историческимъ детерминизмомъ?

* * *

Въ заключеніе остается освѣтить еще одну сторону вопроса, которая говорить и противъ Адлера, и за Адлера.

Привлечь интеллигенцію на сторону социализма можно, по его мнѣнію, лишь выдвинувъ на передній планъ конечную цѣль движенія въ ея полномъ объемѣ. Но Адлеръ признаетъ, разумеется, что конечная цѣль вырисовывается яснѣе и полнѣе по мѣрѣ концентраціи индустриі, пролетаризаціи среднихъ слоевъ, обостренія классовыхъ противорѣчій. Независимо отъ воли политическихъ вождей и различій національной тактики, въ Германіи „конечная цѣль“ выступаетъ несравненно яснѣе и непосредственнѣе, чѣмъ въ Австріи или Италіи. Но тотъ же самый социальный процессъ—обостреніе борьбы между трудомъ и капиталомъ—затрудняетъ интеллигенціи переходъ на сторону партіи труда. Мосты между классами разрушены—приходится прыгать чрезъ пропасть, которая углубляется

70 к. съ каждымъ днемъ. Такимъ образомъ, параллельно съ условіямъ, объективно облегчающими *теоретическое* проникновеніе въ сущность коллективизма, растутъ социальныя препятствія *политическому* присоединенію интеллигенціи къ социалистической арміи. Переходъ къ социализму во всякой передовой странѣ, живущей общественной жизнью, есть актъ не умозрительный, а политическій, и социальная воля здѣсь безраздѣльно господствуетъ надъ теоретизирующимъ разумомъ. Но, вѣдь, это въ послѣднемъ счетѣ значить, что сегодня завоевать интеллигенцію труднѣе, чѣмъ было вчера; завтра будетъ труднѣе, чѣмъ сегодня.

Однако, и въ этомъ процессѣ есть свой „перерывъ постепенности“. Отношеніе интеллигенціи къ социализму, охарактеризованное нами, какъ растущая вмѣстѣ съ ростомъ самого социализма отчужденность, можетъ и должно рѣшительно измѣниться въ результатѣ объективнаго политическаго перелома, который кореннымъ образомъ передвигаетъ соотношеніе общественныхъ силъ. Въ утвержденіяхъ Адлера вѣрно во всякомъ случаѣ то, что интеллигенція заинтересована въ сохраненіи капиталистической эксплоатаціи не прямо и не безусловно, а косвенно, чрезъ буржуазные классы, поскольку она отъ этихъ послѣднихъ матеріально зависитъ. Она могла бы перейти на сторону коллективизма, если-бъ получила возможность счтаться съ вѣроятностью его *непосредственной* побѣды, если бы онъ представилъ предъ нею не какъ идеалъ другого, далекаго отъ нея и чуждаго ей класса, а какъ близкая, рунами осязаемая реальность; наконецъ, если-бъ— и это не послѣднее условіе—политическій разрывъ съ буржуазіей не грозилъ каждому умственному работнику въ отдѣльности тяжелыми матеріальными и моральными послѣдствіями. Такія условія можетъ создать для европейской интеллигенціи только политическое господство новаго общественного класса; отчасти уже—эпоха прямой и непосредственной борьбы за такое господство. Какова бы ни была отчужденность европейской интеллигенціи отъ рабочихъ массъ,—а отчужденность эта будетъ еще расти, особенно въ странахъ капиталистически молодыхъ, какъ Австрія, Італія, Балканы...—по въ эпоху великой общественной перестройки интеллигенція первой изъ всѣхъ промежуточныхъ классовъ перейдетъ въ ряды сознательныхъ сторонниковъ новаго строя. Ей въ этомъ отношеніи окажутъ большую услугу тѣ ея социальныя качества, которыя отличаютъ ее отъ торгово-промышленной мелкой буржуазіи и крестьянства: ея профессиональная связь съ культурными отраслями общественнаго труда, ея способность къ теоретическимъ обобщеніямъ, гибкость и подвижность ея мысли, словомъ, ея *интеллигентность*. Поставленная предъ неотразимымъ фактомъ перехода всего общественнаго аппарата въ воныя руки, европейская интеллигенція сумѣетъ убѣдиться, что созданныя этимъ условія не только не сбрасываютъ ея въ проваль, но, наоборотъ, открываютъ неограниченныя возможности для приложенія техническихъ, организаторскихъ и научныхъ силъ; она сумѣетъ ихъ выдѣлить изъ своихъ рядовъ—уже въ первый наиболѣе критическій періодъ, когда новому режиму придется преодолѣвать огромныя техническія, социальныя и политическія трудности.

Но если бы самое завладѣніе общественнымъ аппаратомъ зависѣло отъ *предварительнаго* присоединенія интеллигенціи къ партіи европейскаго пролетаріата, тогда дѣло коллективизма стояло бы изъ рукъ вонъ плохо,—ибо, какъ мы старались показать выше, переходъ интеллигенціи на сторону социаль-демократіи въ рамкахъ буржуазнаго режима становится—наперекоръ всѣмъ ожидаемымъ Макса Адлера—тѣмъ дальше, тѣмъ менѣе возможнымъ.

Н. Троцкий.

1068615

